

17.

Я знал, что он собирался сказать.

Потому что это тоже была моя история.

Пальцы, спрятанные в кармане, крепко сжались. Он не увидел бы моих пальцев, которые посинели от напряжения, и не увидел бы смятения в глубине моего сердца, потому что я по-прежнему сохранял абсолютное спокойствие на лице.

18.

Казалось, мое молчание его как-то ободрило, и тон его был спокойным и твердым, как будто главным героем был не он, а другой человек.

— Как и сейчас, у меня с детства были симптомы феромонного расстройства. Но в том мире, после того как я стал альфой, мы с братом Гуанем все еще были вместе. — говоря об этом, Цзи Цинъянь произнес мягким спокойным тоном, в котором слышалась нотка ностальгии. —Это было лучшее время на моей памяти.

Это было лучшее время.

После этих слов мои глаза внезапно наполнились теплом.

Я быстро отвел взгляд и вздохнул с облегчением, увидев, что он все еще погружен в воспоминания и не заметил этой детали.

Я не знал, чего я боялся. Может быть, это потому, что конец того мира показался мне слишком печальным и безнадежным, но теперь он, возможно, уже все знал.

Брат Гуань, который всегда был зрелым и уравновешенным, на самом деле покончил с собой.

Это было невероятно. Особенно для него.

Мы оба знали историю о том, что произошло дальше, и я немного боялся слушать, но Цзи Цинъянь, вопреки моим ожиданиям, продолжал спокойно рассказывать.

Он заболел, и мы были вынуждены расстаться. Я уехал за границу, а он остался на операцию... В то же время он потерял свои воспоминания обо мне.

К моему удивлению, одной из причин его симпатии к Му Фэй были феромоны, содержащиеся в сыворотке, которую я оставил перед отъездом за границу.

Я снова посмотрел на него, и он просто замолчал.

— ...Позже, чтобы помочь мне вылечиться, брат Гуань решил остаться со мной.

Он говорил медленно, выговаривая каждое слово, и его голос все еще был хриплым после выздоровления после тяжелой болезни. Он был похож на путешественника, бредущего в одиночестве по пустыне, прекрасно понимающего, какие трудности ждут его впереди, но все равно направляющегося к какому-то смутному миру.

Как слушатель, я в конце концов не выдержал.

— Достаточно. — мягко прервал его я.

Достаточно, я знаю остальную часть истории. Не было необходимости слушать ее снова.

Цзи Цинъянь был прерван мной и в замешательстве поднял голову.

Возможно, это было потому, что подсознательно я чувствовал, что в прошлой жизни был слишком импульсивным.

Я медленно разжал сжатые кулаки, как будто мог расслабиться.

— Тебе не нужно слишком сильно винить себя. Все... все произошло по моей собственной воле.

Я умело использовал спокойный и сдержанный тон, который был мне наиболее привычен.

Но я не осмеливался посмотреть ему в глаза.

Это была ложь? Может быть, просто еще один способ защитить себя.

19.

Цзи Цинъянь заметно застыл, но через некоторое время задрожал и обрел дар речи.

— Брат Гуань, ты...

Скрывать больше было нечего.

Я глубоко вздохнул.

— ...Я знаю, что ты собираешься сказать дальше, потому что я участвовал во всем этом процессе. — увидев, как его глаза расширились, я поднял палец и указал на свою голову, после чего спокойно объяснил. — Здесь хранятся все воспоминания.

Я собирался сказать, что он не виноват во всем этом, но я не ожидал, что в следующую секунду Цзи Цинъянь вскочит с дивана и бросится ко мне.

У меня потемнело в глазах, а он уже крепко обнял меня, так сильно, что стало больно. Невысказанные слова были прерваны его резким движением. Я подсознательно закрыл глаза, мой мозг мгновенно отключился.

Разве ему только что не сделали операцию? Откуда взялась эта сила? Только что я видел, что он не мог стоять прямо...

Эта мысль была единственным, что осталось у меня в голове.

— Брат Гуань... Брат Гуань! — Цзи Цинъянь положил голову мне на плечо и позвал меня по имени неуверенным и дрожащим голосом. — Прости меня... Мне правда жаль. У меня не было возможности извиниться, я действительно так с тобой поступил....

Плечи под тонкой одеждой в начале лета чувствовали исходящую от него теплую влагу, как будто она могла просочиться в кровеносные сосуды на коже.

Цзи Цинъянь заплакал.

Человек, который всегда улыбался, казался бесстрашным и которого я всегда любил, на самом деле плакал и постоянно извинялся передо мной.

Я снова оказался в тупике и на мгновение не знал, оттолкнуть его или обнять в ответ.

20.

В конце концов, я решил мягко оттолкнуть его.

Эмоционально и рационально я понимал, что это неправильно. Он так долго сдерживался, что даже молча перенес необратимую операцию, лишив себя всех возможностей.

В своей прошлой жизни он оттолкнул меня из-за своей амнезии.

Настолько, что в итоге мы отдалялись все больше и больше.

Он ни в чем не виноват.

Даже мать Цзи, которая всегда была сильной, хотя я устал от ее поведения и не люблю ее, но разве это ее вина? Она тоже хотела, чтобы Цинъянь поправился.

Я подумал, в конечном счете, все было подстроено судьбой и манипулировало ею.

21.

А что до меня...

От начала и до конца, был ли у меня какой-либо другой выбор, кроме как принять это?

22.

Цзи Цинъянь был застигнут врасплох, когда я оттолкнул его, на мгновение выражение его лица стало отсутствующим:

— Брат Гуань?

Я опустил глаза, делая вид, что не замечаю его покрасневших глаз.

— ...Прости, Цинъянь. Я хочу обдумать это. -

Я долго колебался, прежде чем мягко сказать.

Краем глаза я заметил, что он, казалось, потянулся ко мне, и быстро отступил немного назад.

— Когда я проснулся и обнаружил, что вернулся в прошлое, я сказал себе, что все, что было в прошлом, было всего лишь сном, и я должен прожить свою жизнь заново. — сказал я.

На самом деле, если вы слишком долго хранили это в своем сердце, нетрудно произнести это на одном дыхании.

— Например, найти свои интересы и хобби и познакомиться с людьми, которые мне понравятся. Не курить, ложиться спать пораньше и выспаться как следует...

«Например, уйти от тебя».

Я сделал паузу и не договорил последнюю фразу.

— Ты ни в чем не виноват в своей прошлой жизни, и тебе не нужно винить себя. Я знаю, что потеря памяти – это тоже не то, чего ты хотел. — я сменил тему и попытался утешить его. — В то время у меня было слабое здоровье, и операция была очень сложной. Вероятность излечения от этой болезни была очень низкой... Вместо того, чтобы случайно умереть на операционном столе, лучше было найти место, которое мне нравится...

Было бы лучше умереть в украшенных цветами апартаментах, где я часто останавливался с Цинъянем в далеком прошлом.

Цзи Цинъянь сжал кулаки и внезапно охрипшим голосом произнес:

— Твое существование никогда не было таким незначительным, как ты думал. Позже...

Позже?

Я был ошеломлен.

Его тело слегка дрожало, а глаза все еще были красными, как будто ему причинили сильную боль. Я попытался заглянуть ему в глаза, но он плотно сжал губы и упрямо отвернулся.

Я терпеливо подождал некоторое время и увидел, что он, похоже, больше не намерен разговаривать, поэтому потерял интерес к дальнейшим вопросам.

С тех пор как я из моей прошлой жизни ушел, все, что последовало за этим, не имело ко мне никакого отношения.

— Цинъянь, ты очень смелый. Нелегко сделать большой шаг. Надеюсь, ты скоро поправишься, и поздравляю с успешным избавлением от своих нарушенных феромонов. Что касается меня... — увидев, что он смотрит на меня покрасневшими глазами, я горько улыбнулся. — Я все еще слишком уставший и мне грустно. — я беспомощно указал на свою грудь. — Кажется, что я мертв здесь. Я не мог прийти в себя целый год.

Глаза Цзи Цинъяня, казалось, снова наполнились слезами. Я заметил, что он открыл рот и собирался что-то сказать, поэтому я прервал его заранее...

— Я хочу сделать перерыв. Тебе также следует хорошенько позаботиться о своем теле. Давай посмотрим... куда нас приведет будущее.

На самом деле, когда я говорил это, я не был уверен, что нас ждет в будущем.

Но я знал, что будущее сейчас будет светлее, чем в моей прошлой жизни.

23.

Перед тем как покинуть мой дом, Цзи Цинъянь подошел ко мне совсем близко, как будто..... он хотел обнять меня. Видя, что я никак не отреагировал, он не стал принуждать меня и молча вернулся на свое прежнее место.

— Брат Гуань, ты уйдешь? — спросил он меня.

— Нет, я останусь здесь на учебу в аспирантуре. — улыбнулся я.

Его лицо все еще было мокрым, но реакция была замедленной. Спустя долгое время он тихо вздохнул, и выражение его лица стало намного спокойнее.

— Тогда я уйду. — он немного помолчал, прежде чем сказать.

Я согласился.

Он обулся и очень медленно открыл дверь. Я вытерпел это, не оборачиваясь, чтобы посмотреть на него.

Наконец дверь мягко закрылась, и он ушел.

Я немного растерялся.

Неизвестно, сколько времени я просидел на диване, пока вдруг не услышал, что кто-то снова звонит в дверь.

Я рефлекторно вскочил и бросился открывать дверь.

— ...Это мистер Гуань И? — в дверях стоял курьер. Видя мое застывшее выражение лица, я догадался, что в этот момент мое лицо дюйм за дюймом трескается, как маска фальшивой улыбки. Бедный мальчик выглядел испуганным. — Извините, у нас сегодня были некоторые проблемы с машиной, поэтому доставка задержалась...

— Все в порядке. — я медленно сменил выражение лица и взял обед, о котором давно забыл. — Все в порядке, спасибо.

Вот и все.

Все началось сначала.

Возможно, в этот самый момент бесчисленное множество людей прощались со своими бывшими возлюбленными, возможно, при жизни или после смерти. Но, в конце концов, мир так велик, что никто не будет связан с другим человеком навсегда.

24.

Мои друзья по клубу вскоре узнали, что я собирался вернуться в школу, чтобы поступить в аспирантуру. Школа разослала список новых студентов, поступающих в аспирантуру в этом году, и я оказался в их числе. Как только президент увидел это, он позвонил мне и отругал, сказав, что у меня нет совести, я обманом заставил их плакать и настоял на том, чтобы угостить их едой.

— Хорошо, я просто хотел преподнести вам сюрприз, ребята. — сказал я.

Президент был потрясен моими словами, рассмеялся и выругался:

— Какой сюрприз? Это больше похоже на шок.

— Старшеклассники снова будут доставлять неприятности старшим ребятам в клубе. Я надеюсь, что президент защитит меня.

—Проваливай.

Сразу после долгих летних каникул я вернулся в кампус.

Как только я закончил регистрацию и вышел из здания, я увидел знакомую фигуру, стоящую на солнечном свете и машущую мне рукой, с улыбкой на лице, которая была ярче августовского солнца.

Как будто того разговора, который состоялся более двух месяцев назад, никогда и не было.

Я была в трансе, думая, что вернулся в свою прежнюю жизнь. Так было и тогда, когда он заехал за мной, чтобы я поступил в аспирантуру, время и место не изменились.

Просто в то время мы были вместе.

Цвет его лица значительно улучшился, и он, должно быть, занимался спортом в этот период. Мышцы под его тонкими короткими рукавами были гладкими и сильными. Слабая и бледная тень, которая появилась у него после операции, больше не была видна.

Возможно, железы на самом деле не были так важны для него.

Я почувствовал облегчение, что он прислушался к моим словам.

— Почему ты здесь? — улыбнулся я.

Улыбка исчезла с лица Цзи Цинъяня:

— ...Брат Гуань, я просто хотел тебя увидеть.

Мое сердце замерло, и я замолчал, не зная, что сказать.

Когда он увидел мою реакцию, его глаза загорелись.

— Брат Гуань, я приготовил для тебя подарок... Просто думай об этом как о подарке к началу учебы. Поздравляю тебя с успехом. — сказал он с улыбкой. — Все прошло хорошо.

Подарок?

Я был ошеломлен и, наконец, обрел дар речи.

— ...Хорошо, спасибо.

25.

В результате он привел меня в свою студию.

Как только я вошел, я почувствовал знакомый запах материалов для масляной живописи и увидел огромную доску для рисования, покрытую холстом, стоящую посреди студии. Я смутно догадывался, что он собирался мне подарить...

Некоторое время он колебался.

На него нахлынули болезненные воспоминания о прошлом. Лучезарная улыбка Фэйфэя была скрыта под огромным полотном, невинный Цзи Цинъянь поделился со мной своим опытом рисования, и той ночью, когда мой возлюбленный позвонил мне и пожаловался, что Фэйфэю не нравятся его картины...

Как только я сделал шаг назад, Цзи Цинъянь, казалось, заметил это и взял меня за руку нежно, но крепко.

Пять пальцев были переплетены, а ладонь его была теплой. Это было... такое знакомое прикосновение. Мое сердце забилося быстрее, и я неосознанно поднял голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

Цинъянь оглянулся на меня:

— Брат Гуань, не прячься. На этот раз послушай меня. Я знаю, ты еще не готов. — сказал он. — Я также знаю, что на все нужно время. Но что я могу сделать сейчас, так это загладить свою вину, которые остались в прошлом.

Он ослабил хватку на моей руке.

Холст был у меня перед глазами, и он без колебаний раскрыл его.

После мгновения темноты свет быстро вернулся в исходное состояние.

Я снова увидел себя.

На самом деле это был тот самый голубой портрет.

Я не знал, как ему это удалось, и как он смог так четко запомнить каждую деталь мазков кисти. Эта картина была такой же, какой я ее запомнил, и я все еще улыбался, глядя на глубокий синий океан.

...Но разница была.

Все яркие поверхности больше не были холодными, а превратились в точки золотого света, как будто солнце освещало море. Желтый и синий, холодный и теплый, образовали хрупкое равновесие. Здесь больше не было так мрачно и влажно, как в прошлом на морских глубинах. Теперь это была солнечная и теплая морская гладь, которая согревала зрителя от всего сердца.

Цзи Цинъянь тихо сказал:

— Наконец-то я закончил эту картину.

В тот момент, когда я увидел картину, я невольно затаил дыхание. Эмоции, переполнявшие мое сердце, взметнулись ввысь и, наконец, вернулись к морю.

— Это ты в моих глазах. — он сказал. — Предыдущая картина была незаконченной. После того, как я снова проснулся, я был... я хотел закончить эту картину, и мое желание наконец сбылось.

Я глубоко вздохнул и искренне сказал:

— Спасибо, мне это очень нравится.

Услышав это, он вздрогнул, и его спина, которая была прямой и напряженной, расслабилась.

— Здорово, что тебе это нравится... Прости, я не хотел заставлять брата Гуаня принимать решение, я просто... — он поднял руку и медленно прикрыл глаза. — Я действительно хотел написать эту картину... и подарить ее тебе.

— Я знаю, что ты меня не заставляешь. — прошептал я. — ...Спасибо тебе.

На мгновение единственным звуком в тишине студии было мое дыхание и его тяжелое сопение... Он, казалось, изо всех сил старался контролировать свои эмоции. Хотя он был явно выше меня, в этот момент он казался особенно слабым.

Я молча смотрел прямо на улыбку на портрете, и мое настроение чудесным образом улучшилось.

26.

— ...Раз уж мне его подарили, могу я забрать его домой?

В тишине я услышал свой голос.

Конец

Автору есть что сказать:

Я хотел написать об этом раньше, но у меня были сомнения. Должен ли Гуань И безоговорочно принять любовь Цинъяня? Цинъянь... ранее «непреднамеренно» причинил ему боль.

Поэтому в конце концов концовка была изменена на другую, которая больше соответствовала моим мыслям, то есть в сторону ХЭ. Все знают, что в конечном итоге это будет ХЭ, но просто нужно время, чтобы постепенно исцелиться.

На самом деле брат Гуань постепенно признает, и маленький Цзи тоже вырастет.

<http://bllate.org/book/14304/1711797>